

Джеймс Уиллард Шульц

*Поднимающийся Волк, белый черноногий
рассказ Хью Монро о первом годе жизни на
равнинах*

Джеймс Уиллард Шульц Поднимающийся Волк, белый черноногий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68311984

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказ Хью Монро о том, как он, будучи шестнадцатилетним юношей, завербовался в компанию Гудзонова Залива и провел свой первый год с племенем пикуни, изучая их язык и обычаи, сражаясь с врагами, охотясь и переживая многочисленные приключения.

Джеймс Уиллард Шульц Поднимающийся Волк, белый черноногий

ВВЕДЕНИЕ

Одним из самых приятных обстоятельств моей длинной жизни на равнинах была близкая дружба с Хью Монро, или Поднимающимся Волком, чей рассказ о его первых приключениях на равнинах у реки Миссури и в Саскачеване описан в «Поднимающемся Волке» так, как я давным-давно услышал его, сидя у очага в его домике.

Сначала он служил в компании Гудзонова Залива, затем в Американской меховой компании, и, став наконец свободным траппером, Хью Монро увидел больше новых стран и пережил больше приключений, чем большинство людей в начальной истории Запада. Последние годы своей долгой жизни он жил со своим внуком, Уильямом Джексоном, бывшим разведчиком Кастера¹, который был моим партнером, и мы оба любили общаться с ним. Он был стройным, невысокого роста, голубоглазым человеком, с каштановыми в прошлом волосами, и должно быть, в молодости он был очень привлекательным. Он всегда был правдив и честен, имел

храброе и открытое сердце. Хотя он и был добрым христианином, но все же верил и в богов черноногих – его народа. Он всегда отличался отменным здоровьем и до последнего своего дня ходил на охоту со своим любимым кремневым ружьем, ставя капканы на бобров или стреляя случайных оленей.

Он умер на девяносто восьмом году жизни, и мы похоронили его в долине Двух Талисманов, под тенью утесов, на которые он много раз загонял стада бизонов, помогая индейцам пикуни во время охоты, в виду большой, пронзающей небо высокой красной скалы на северной стороне озера Двух Талисманов, которую мы называли Горой Поднимающегося Волка. Это – прекрасный памятник человеку, который был первым из людей своей расы, увидевшим ее и окружающие ее пространства.

Д.В.Ш.

ГЛАВА I

КОМПАНИЯ ГУДЗОНОВА ЗАЛИВА

Вы просите, чтобы я рассказал вам историю моей жизни. Мой друг, это заняло бы много томов, поскольку я прожил длинную жизнь, богатую приключениями. Но я рад! Вы должны знать мою историю. Так что садимся, и я начинаю:

Я родился в поселке Труа-Ривьер (Три Реки), рядом с Квебеком, 9 июля 1798 года. Мой отец был капитаном английской армии Хью Монро. Моей матерью была Амели де ля Рош, из знатной семьи французских эмигрантов. Ее отец имел прекрасный особняк в Монреале и большую усадьбу в Труа-Ривьер, где жил с нею мой отец, когда не находился в очередном походе со своим полком. Мое детство было спокойным. Я играл с крестьянскими детьми, живший рядом с нами священник-иезуит обучил меня основам грамоты – научил читать и писать на английском и французском языках, потом я получил свое первое оружие – красивое и легкое ружье калибра тридцать пуль на фунт. С того дня с ним я не расставался. Я прекратил играть с крестьянскими детьми и проводил большую часть своего времени, охотясь в окружавшем поселок большом лесу. Тем летом, когда мне было двенадцать лет, я убил своего первого оленя. Когда мне исполнилось тринадцать, я подстрелил двух черных медведей, и как же был я этим горд! Старый слуга моей матери, метис монтанье, который был слишком стар и слаб, чтобы самому что-то делать, учил меня ставить капканы на бобра и выдру, и тех, кто ходит по земле – лису, пекана, куницу, норку, и я поймал многих из них. Каждую весну мой дед де ля Рош

продавал добытые мной шкуры в Монреале за хорошую цену, однажды за одну зиму моя добыча принесла мне тридцать фунтов – для того времени это была очень большая сумма, не каждый мальчик за несколько месяцев смог столько заработать.

С начала 1812 года я редко видел своего отца, потому что тогда, как вы знаете, началась война между англичанами и американцами, и он со своим полком был то здесь то там, и принял участие в нескольких сражениях. Именно осенью того года мой дедушка послал за нами, чтобы мы переехали в Монреаль и смогли жить с ним.

Я не любил город. Я не мог там охотиться или ставить капканы. У меня было мало общего с городскими мальчиками; я не понимал их образа жизни, столь отличного от привычного мне. Утром я ходил в окружную школу; днем плавал по реке на лодке или ходил на склады компании Гудзонова Залива, с которой мой дедушка вел много дел. Там я встречал путешественников и трапперов, прибывших издалека – мужчин, одежда которых была сшита из оленьей кожи, на их головах были странной формы меховые шапки, а на ногах – украшенные бисером мокасины. Некоторые из них были французами, другие – англичанами, и между собой они почти не общались, но мне до этого дела не было – я дружил

и с теми и с другими, и много приятных часов, слушая их рассказы о приключениях в диких местах, поединках с индейцами, схватках с ужасными медведями дикого Запада и рискованных сплавах на каноэ по безумно быстрым рекам.

– Это – та жизнь, которой я хотел бы жить, – сказал я сам себе, и, поскольку был еще слишком молод, начал докучать моей матери, чтобы она позволила мне наняться в компанию. Сначала она лишь смеялась надо мной. Но прошла зима, лето и снова зима, а я так и не прекращал просить ее об этом, и не только ее, но и деда, и отца, когда он посещал нас, и это стало вопросом, от которого уже нельзя было отделаться шутками. И вот, наконец, я выбрал свой путь.

– Он родился для приключений, и не для чего-то иного, – сказал мой отец, – так что пусть начинает и делает карьеру в компании. Кто знает, может быть однажды он станет управляющим!

Моей матери это мое намерение очень не нравилось. Много слез она пролила над каждым предметом, который собирала мне в поездку, заставляя снова и снова обещать мне, что я обязательно вернусь, чтобы продолжить учебу. Подготовила она меня прекрасно – несколько смен нижнего белья, много пар чулок, несколько пар ботинок, шило, иглы, нитки, гребешки и щетки, бритвы, оселок, щетки и мыло.

– Тебе скоро понадобится бритва. Подумать только! Когда мой мальчик вернется, он будет бородатым мужчиной!

– Нет! Я буду бриться! Терпеть не могу усы и бороды! Это грязь! Мое лицо всегда будет гладким! – ответил я и до сих пор этого придерживаюсь.

Когда мне пришло время отправляться, отец дал мне пару пистолетов в серебряной оправе, вместе с поясом и кобурами, а к ним большой запас пуль и запасных кремней. Дед дал мне двадцать фунтов и увеличительное стекло.

– Может случиться, что кремень и сталь тебе не помогут, но, когда светит солнце, с его помощью ты сможешь разжечь костер, – сказал он. Тогда мы не думали о том, какую важную роль этот предмет сыграет в моем первом путешествии по равнинам.

Наконец наступил день моего отъезда. Мы позавтракали при свечах, и затем мой дедушка отвез нас и все мои вещи к причалу в своем фургоне. Я зашел в контору и подписал договор между служащим и хозяином компании Гудзонова Залива на срок пять лет за ежегодную плату в двадцать фунтов, который в качестве свидетелей подписали мои отец и мать. После этого главный клерк дал мне письмо фактору, к которому я должен был немедленно отправиться. Его звали Джеймс Хардести из форта Маунтин, построенного на реке Саскачеван у подножия Скалистых гор. Это был новый форт компании, построенный специально для торговли с малоизвестными индейскими племенами черноногих. Мне сказали, что это племя очень многочисленно и владеет обширными землями, изобилующими бобрами и другим пушным

зверем.

Моя мать едва не упала в обморок, когда узнала, как далеко предназначено было мне отправиться. Она плакала, все время меня целовала и снова и снова заставила меня обещать, что по истечении этих пяти лет я к ней вернусь.

Наконец мы вышли из конторы и отправились к концу причала, где уже стояли пять баркасов компании, уже полностью загруженных и заполненных пассажирами, крепкими мужчинами – французами и англичанами. В одном из них разместился и я со всем своим хозяйством – вещами, ружьем и пистолетами на поясе. Мужчины сели на весла. Пока я мог их видеть, мои родители и дед махали мне платками, а я махал им. Больше я никогда их не видел! Было 3-е мая 1814 года, примерно за два месяца до моего шестнадцатилетия.

Как я уже сказал, в нашей флотилии было пять судов, и каждое было загружено четырьмя или пятью тоннами товаров для торговли с индейцами; все было упаковано в водонепроницаемые тюки весом примерно в сто фунтов каждый. Тяжелые товары в основном состояли из ружей, пороха, пуль, кремней, табака, бус, капканов для бобров, медной проволокой, из которой делали украшения для ушей и браслеты, топоров, медных чайников разного размера, топоров и маленьких зеркалец. Легкие товары – это были одеяла, красная, синяя и желтая шерстяная ткань, нитки, иголки, шила и прочие мелочи, которые должны были поразить воображение краснокожих. В Монреале этот груз особой ценности не

представлял. Но в форте Маунтин, у подножия Скалистых гор, все это имело огромную ценность. Там ружье стоило шестьдесят бобровых шкур – шестьдесят фунтов в переводе на деньги, и все остальное возрастало в цене в той же пропорции. Даже ярд табака – он продавался длинными скрутками, как веревка – там уходил за две бобровых шкуры!

Следует рассказать о нашем путешествии по реке. Оно было интересным, хотя и не шло в никакое сравнение с тем, что я увидел и испытал, прибыв к месту назначения. Из реки Святого Лаврентия мы свернули в реку Оттава. Как интересно было мне, мальчику, сидеть на носу лодки, которую ударами весел сильные мужчины гнали к неизвестной земле!

Мы поднялись по Оттаве, насколько это было возможно, а затем тащили наши суда и грузы волоком от озера до озера и наконец, в начале сентября, достигли Йоркской фактории, на реке Саскачеван, недалеко от впадения ее в Гудзонов залив. Там мы перезимовали, и отправились дальше, как только весной сошел лед. В пути я впервые увидел бизонов, лосей, и одного или двух медведей гризли, чудовищно больших медведей, что было заметно даже на расстоянии. Видел я также лагерь индейцев племени кри, которые были врагами черноногих, но к белым относились хорошо. Говорили, что они не приходили в форт торговать, когда там были черноногие.

Наконец, после долгих дней утомительной гребли и волоков по быстрому Саскачевану мы достигли форта Маунтин. Было 10-е июля 1815 года. Мой путь из Монреаля продолжался год и несколько месяцев!

Форт был построен из бревен, дома были покрыты уложенным по жердям дерном, и стоял он выше уровня, до которого в половодье поднималась вода в реке. Постройки были окружены деревянным частоколом, в одном из его углов была сделана небольшая башенка, на которой стояли две пушки. Позднее этот форт получил название Форт Лука, поскольку река, на которой он стоял, была главным притоком Саскачевана и индейцы черноногие называли ее Рекой Лука.

Форт мы увидели внезапно, когда наши лодки вышли из-за поворота реки, и я от удивления широко открыл глаза,

когда увидел, что весь берег был заполнен индейцами – без преувеличения, их там были тысячи. Они редко видели белых и почти не видели крупных судов, кроме лодок из бизоньих шкур, которые они делали для переправы через реки, и наше прибытие представляло для них большой интерес.

Я сразу заметил, что они сильно отличались от всех других индейцев, которых я видел во время путешествия. Они были выше ростом, кожа у них была светлее, телосложение более стройное. Длина волос некоторых мужчин меня поразила – концы кос некоторых из них касались земли, волосы были длиной больше пяти футов! Очень немногие из них носили одеяла; остальные были одеты в наряды из отлично выделанной кожи (вы называете ее замшей), сшитой с помощью ниток из жил. Сшита одежда была очень аккуратно и украшена яркими вышивками из игл дикобраза, окрашенными во все цвета радуги. Все они – мужчины, женщины и дети – носили плащи или накидки из кожи бизона некоторые из них были украшены рисунками, рассказывающими об их приключениях или изображавших странных мифических животных. Я заметил, что ружья были у очень немногих: большинство носили луки и стрелы в кожаных колчанах, висевших за спиной.

Пока перед высадкой мы проплыли мимо множества людей, мое сердце начинало биться чаще при виде каждого из них. Я хотел узнать их, эти людей равнин, пока еще неза тронутых цивилизацией и неиспорченных общением с белы-

ми. Тогда я еще не думал, что скоро узнаю их и как глубоко узнаю!

При высадке фактор Хардести и некоторые его служащие, выстроившись полукругом, ожидали нас. На меня внимания почти не обращали, принимая меня за мальчика. Фактор приветствовал главу нашей флотилии, потом остальных мужчин, и затем казалось, неожиданно заметил меня.

– А ты, – замолк он и посмотрел на человека, который, как позже я узнал, был его служащим, – Я просил мужчину, а мне посылают мальчишку!

Потом он снова повернулся ко мне и спросил:

– Ну, молодой человек, что привело Вас в эту дикую землю?

– Я приехал, чтобы работать, сэр! – ответил я и вручил ему письмо, которое дали мне в Монреале. Он прочитал это и его отношение ко мне сразу изменилось.

– Ах, вот как! Оказывается, вы – Хью Монро, юноша! – воскликнул он. – И вы прибыли, чтобы расти вместе с компанией! Я хорошо знаю вашего отца, юный сэр. И деда вашего, де ля Роша, тоже. Это прекрасные люди. Прекрасно! Прекрасно! Мы найдем вам занятие, непременно. И он пожал мне руку, а затем, некоторое время спустя, велел мне сопровождать его к форту.

Мы поднялись по широкой утоптанной дороге, проходящей через лес, к форту, и перед нами распахнулись широкие массивные деревянные ворота, а привратник поклонил-

ся нам.

– Мы держим охрану постоянно, и два человека постоянно дежурят около пушек. Вокруг много индейцев, и не во всех мы можем быть уверены, – сказал мне фактор.

Мы вошли в его дом. Внутри была большая комната с огромным камином в одном конце. Окна были затянуты тонкой промасленной кожей, пропускавшей желтоватый свет. Мебель была самодельной и состояла из стола, нескольких стульев, койки, на которой была навалена куча одежды из бизоньей кожи и одеяла, и стойки из лосиных рогов, поддерживавшей несколько ружей. Мне сказали, чтобы я поставил свое ружье в стойку и повесил туда же пистолеты. Сюда принесут еще одну кровать и жить я пока буду здесь.

Скоро мы вышли, потому что служащие, выстроившись в длинную цепочку, начали переносить товары из судов на склад, и фактор должен был за этим следить. Я поднялся на верхний этаж башни и стал беседовать с мужчинами, дежурившими у пушек, посматривая на толпу индейцев, стоявших перед частоколом. У многих из них были большие связки бобровых шкур и других мехов, которые они готовились обменять на привезенные товары. Часовой сказал мне, что они находятся здесь уже около двух месяцев, ожидая прибытия наших судов, и что мехов у них столько, что наших товаров не хватит, чтобы все их купить, если только фактор не

удвоит цену наших товаров. Мне это показалось невозможным.

– Сколько, по-твоему, здесь индейцев? – спросил меня один из часовых.

– Три или четыре тысячи – предположил я.

Он засмеялся.

– Скажи тридцать тысяч, и будешь ближе к истине, – сказал он, и я потерял дар речи.

– Их намного больше, – сказал его товарищ.

– Так и есть, – продолжал первый. – Видите ли, юный друг, сейчас перед вами собрались три племени – черноногих и их союзников, гро-вантров и саксис. Их должно быть тысяч тридцать-сорок.

Я опять не знал, что сказать.

– Да ведь если бы они захотели, то могли бы захватить этот форт без особого труда! – воскликнул я.

– Захватить? Ха! С нами было бы покончено через две минуты, если бы они решили это начать. Да только вот они – двое парней, которые их от этого удерживают, – сказал он и погладил пушку.

– Вы видите там хлопковое дерево, расколотое и мертвое? – спросил другой часовой. – Мы выпустили в него четырехфунтовое ядро, просто чтобы показать ее действие. Перед воротами была большая толпа, такая же как сейчас. Когда мы выстрелили, женщины и дети завопили и бросились во все стороны в поисках убежища. Мужчины подскочили,

когда старое орудие выстрелило, но остались стоять на месте, глядя на ливень опадающих листьев и веток. Тогда мы выпустили второе ядро, и оставшаяся часть кроны упала. Держу пари – они сказали себе, что форт брать бесполезно, потому что эти пушки сделают с нами то же, что и с деревом!

– Но мы всегда настороже, – сказал другой. – Вы видите калитку в больших воротах? Когда индейцы приезжают торговать, мы впускаем их через эту калитку, по несколько человек зараз, заставляя их оставить оружие снаружи, и, пока идет торговля, мы держим, одно из орудий направленным на вход в факторию.

– И вы никогда не покидаете форт и всегда находитесь под защитой орудий? – спросил я, думая, как трудно мне будет оставаться запертым в форте, не иметь возможности посетить индейцев в их лагерях и не охотиться на дичь, которой изобиловала страна.

– О, мы выходим всегда, когда захотим, – сказал тот. – Видите ли, нас они не трогают, потому что боятся, что иначе не смогут с нами торговать, а на наших товарах они малость сдвинулись. Нет, хотя они и могут захватить форт и все разграбить, мы этого не боимся, вреда нам они не причинят. К тому же склад только в такие моменты, как сейчас, бывает полон товаров, и это представляет некоторую опасность. Вот так я это вижу.

– И то верно, – согласился второй часовой.

Тут меня вызвал фактор, потому что наступило время

обеда, и я оставил башню и последовал за ним в комнату, где повариха, франко-гуронская метиска, жена одного из служащих, подала нам простой обед. Он состоял исключительно из бизоньего мяса и крепкого черного чая, и фактор объяснил, что он, так же как остальные служащие, питается только мясом и плодами, которые дает окружающая земля, свежими или сушеными, круглый год. Рождество было единственным исключением; в этот день каждый получал большую порцию сливового пудинга вдобавок к мясу! Вы сами видите, как все обстояло: доставка груза занимала год пути и каждый фунт груза предназначался для торговли с индейцами. По грубой оценке, я должен сказать, что каждый фунт груза, доставленный в форт, стоил от трех до двадцати фунтов, когда менялся на мех. Например, медная проволока, предназначенная для изготовления браслетов и других украшений, стоила сто фунтов, или сто бобровых шкур, за фунт веса. Естественно, распоряжения из Лондона требовали ограничиться одним сливовым пудингом на рождественский обед. Ладно, не об этом речь. Мы настолько привыкли к мясной диете, что ни о чем другом уже не думали. Летом, когда созревали ягоды, мы ели их, сколько могли, а женщины сушили их на зиму, но их было мало, и женщины лишь изредка тушили с ними мясо, но без сахара большого аромата они не давали.

Мы закончили трапезу, и, когда мы вышли из комнаты, место за столом заняли другие служащие. Факторы компа-

нии не обедали за одним столом со служащими и вообще почти не общались с ними. Они держались особняком и все распоряжения отдавали через клерков.

После того, как тоже закончили обедать, по случаю начала торговли был устроен банкет с участием вождей племен. Они вошли в форт в сопровождении женщин, сгибавшихся под грузом мехов. и фактор сидел вместе с ними, пока они ели, а потом вместе с ними курил. Когда трубка прошла по кругу, вожди один за другим произнесли речи, которые очень плохо переводил человек по имени Антуан Биссет, франко-ирокезский метис, женатый на женщине племени кри, которая немного говорила на языке черноногих, от которой и он узнал несколько слов этого языка. Каждый вождь произносил длинную речь, а потом переводчик говорил:

– Он говорит, что он – друг белых. Он говорит, что вы – его братья. он говорит, что дарит вам меха, которые принесли женщины.

– А что еще он говорит?

– Все.

– Все! Ничего себе! – воскликнул фактор. Они произносили такие длинные речи, возможно говорили о чем-то важном, и ты не можешь перевести?! Я еще год назад велел тебе учить язык, а ты в этом совсем не продвинулся! Твой перевод хуже, чем прошлой весной!

– А что я могу сделать? Моя женщина малость не в себе, она говорит, что язык черноногих плохой и говорить на нем

она не будет. Как мне учиться?

– Хм, – фактор пожал плечами и махнул рукой, приглашая всех в торговый зал. Там он дал вождям хорошую цену за их меха, а потом они вышли вполне довольные, чтобы освободить место для остальных.

Я провел всю вторую половину дня в торговом зале, наблюдая за индейцами, и увидел много интересного. Почти все мужчины покупали ружья, боеприпасы, капканы и табак, а женщины – украшения. Я видел, как одна молодая женщина за двадцать бобровых шкур купила белое одеяло, а потом с гордостью обернула им могучую фигуру ее мужчины. Он несколько минут поносил его, а потом накинул на ее плечи. Когда же пришла его очередь, он за несколько шкур купил медных украшений. Таких случаев я видел много, пока шла торговля, и сделал такой вывод – у индейцев мужчины владеют всем, а женщины находятся у них на положении рабов, не имеющих ничего.

Следующим утром фактор сказал, что даст мне свободный день, и посоветовал провести его, посещая лагеря разных племен, располагавшихся по берегам реки выше форта. Он уверил меня, что это совершенно безопасно, и сказал, чтобы я оставил оружие дома, чтобы показать индейцам, что мы относимся к ним, как к друзьям, как сами они нас убеждали. Я, однако, все же сунул под рубашку один из пистолетов, и, по совету Антуана, на индейский манер накинул сверху одеяло, чтобы собаки в лагере приняли меня за своего.

Экипированный таким образом, я отправился в путь. Я провел замечательный день, день тысячи неожиданностей и множества интересных вещей. Путь к следующей долине выше форта шел через равнину, упиравшуюся в берег реки, и, глядя на нее, я видел, что она на несколько миль заполнена лошадьми разных племен, собранных в табуны от шести-семи десятков до двух-трех сотен голов. Позднее я узнал, что каждый владелец так пас своих лошадей, что они привыкали друг к другу и не смешивались с другими.

Оттуда я увидел следующий берег реки, где был лагерь пикуни. или пиеганов, самого крупного племени народа черноногих, и попробовал сосчитать их вигвамы. Я насчитал их тысячу четыреста тридцать, а потом заметил, что в лесу по берегу реки было еще четыре сотни. Итак, сказал я себе, если всего там тысяча восемьсот вигвамов, по пять человек в каждом, то получается, что племя насчитывает девять тысяч человек!

Я спустился в лагерь, не спуская глаз с больших, похожих на волков, собак, лежащих вокруг каждого вигвама. Повсюду играли дети, множество их плавало в реке. Женщины были заняты своими обычными делами – готовили мясо, дубили кожу, или удаляли с кож ворс с помощью специальных приспособлений из лосиного рога с вставленным в него стальным или кремневым лезвием; некоторые сидели в тени вигвамов, сплетничали или шили одежду с помощью шила

и ниток из жил, или расшивали ее окрашенными в разные цвета иглами дикобраза. Мужчины собирались небольшими группами, беседуя и передавая друг другу трубки с каменными чашечками и длинными чубуками. Это была мирная и интересная картина.

Я не прошел весь лагерь; я немного оробел перед таким количеством людей. Но, пока я двигался, все приветливо мне улыбались и говорили со мной дружелюбным тоном. Как мне было жаль, что я не понимал их! Как я хотел знать значение странных символов, которыми были разрисованы некоторые вигвамы! На некоторых были нарисованы животные; бизоны, выдры, бобры, олени, и у всех животных была красная линия, проведенная от рта к красному треугольнику в центре тела. Двух вигвамов, разрисованных одинаково, не было, за единственным исключением. На многих из них, скорее даже на большинстве, рядом с дымовым отверстием и входом был нарисован символ, напоминающий мальтийский крест. Я решил спросить Антуана, в чем смысл всех этих рисунков.

От этого лагеря я продолжил путь вверх по реке к другим племенам, таким как сиксики, или настоящие черноногие, и кайна, или Кровь: эти два племени вместе с пикуни были тремя племенами народа черноногих. Дальше, на краю равнины, я видел большой лагерь Ут-се-на, или гро-вантров, и, наконец, лагерь саксис, или Тяжело Говорящих, небольшого племени атабасков, которое уже давно было под покровительством черноногих, как я позднее узнал.

Тем вечером я задал Антуану много вопросов о том, что я видел, только затем, чтобы обнаружить, что ни на один из них он не смог ответить. Не мог и никто из служащих. Через открытую дверь между комнатой повара и его комнатой фактор услышал мои бесполезные вопросы и позвал меня. Я вошел. Он велел мне закрыть дверь, а затем задал мне вопрос, от которого я потерял дар речи.

ГЛАВА II

СОЛНЕЧНОЕ СТЕКЛО

– Не хотел бы ты некоторое время покочевать с пикун и изучить их язык?

Я мог только уставиться на него, не веря своим ушам, и он добавил:

– Я уверен, что ты был бы в не большей опасности, чем находясь здесь в форте, иначе я тебе бы этого не предложил.

– Хочу больше всего! Очень хочу! – воскликнул я.

– Позволь мне объяснять тебе ситуацию, – продолжал он. – Но, во-первых, ты когда-либо слышал о Льюисе и Кларке? Нет? Ладно. Это два американских офицера, которые несколько лет назад провели экспедицию от Миссисипи

вверх по Миссури к ее истокам в Скалистых горах, а оттуда – вниз по течению Орегона до его впадения в Тихий океан. Они стали первыми белыми, которые увидели страну в районе верховьев Миссури, а также между ней и океаном. Далее – в послании, которое я вчера получил вместе с партией товаров, я прочел тревожные новости. По следам Льюиса и Кларка решила пройти Американская Меха́вая компания, наш конкурент, они хотят поставить фактории на западе, на Миссури, верхнее течение которой всегда было нашей территорией. Ты должен узнать, так ли это, и, если так, принять меры, чтобы пресечь их торговлю с племенами черноногих. Пикунки пойдут на юг на все лето, как только закончат торговать с нами, и я хочу, чтобы ты отправился с ними и, изучая их язык, не спускал глаз с наших соперников. Антуану я не доверяю, и в любом случае хороший переводчик из него не получится. Полагаю, ты скорее овладеешь языком.

Разумеется, фактор ошибался. Бассейн реки Миссури не был нашей территорией. Это могло произойти позже. Но у нас были свои планы относительно обширных охотничьих угодий черноногих. Мне предстояло обнаружить, что они простираются от Саскачевана, даже от Невольничьего озера, на юг до южной части Лосиной реки, которую белые называют Йеллоустоун, и от Скалистых гор на восток на триста миль. Часть этой земли, на юге Миссури, раньше была территорией племени Ворон, но черноногие вытеснили их оттуда. Пикунки со своими союзниками Ут-се-на, или гро-ван-

трами, большую часть времени проводили на юге, по Миссури и ее южным и северным притокам, а другие два племени вместе с атабасками-саксис, больше любили Саскачеван и его притоки.

До того, как у них появились лошади, племена черноногих обитали в районе Невольничьего озера. Это название водное пространство получило от кри, потому что в те далекие времена индейцы племени черноногих делали рабами захваченных в плен. Как я понял, лошадей черноногие получили между 1680 и 1700 годами., добывая их в набегах далеко на юге, доходя даже до мексиканской в то время территории. В 1741 или 1742 году они получили первые ружья в фактории на реке Ассинибойн, основанной мсье де ла Верендри, неудачливым путешественником, который стал первым белым, увидевшим Скалистые, или, как он их назвал, Сияющие горы. Имея ружья и лошадей, черноногие не замедлили овладеть богатой дичью страной к югу от Невольничьего озера, вытеснив оттуда не только Ворон, но и другие племена.

На следующий день после моего разговора с фактором, он побеседовал с Одиноким Ходокком, главным вождем пикуни; при этом разговоре я присутствовал. Договорились они о том, как мне объяснил Антуан, что я должен был отправиться на юг под его попечением, жить в его вигваме, ездить на его лошади, а потом он должен был доставить меня назад в форт, когда его племя вернется для торговли. За это

он получал ружье, два одеяла и две связки табака. Хорошие подарки, нечего сказать! Более чем достаточно, даже учитывая то, что фактор просил обеспечить максимальную заботу обо мне. Вождь сразу мне понравился. Он был высокого роста, держался с достоинством, глаза на его красивом лице выдавали в нем человека доброго и честного, я сразу понял, что будет мне хорошим другом, и не ошибся. Тогда я еще не знал, насколько он действительно достойный представитель своего народа.

Поскольку пикуни хотели быстрее направиться на юг, они были первыми, кто обменял свои меха. Это было делом десяти-двенадцати дней, и все это время я провел торговом зале, слушая как Антуан переводит их просьбы и запоминая слова. Таким образом я узнал их названия для разных товаров, и нескольких полезных предложений, например, как будет на их языке «Что это?», «Где это?», «Как это называется?» и так далее. А еще однажды, я увидел, что жена Антуана сидела с женщиной саксис, и видно было, что они беседовали с помощью знаков. Я спросил об этом Антуана и он сказал мне, что это язык знаков, единый для всех племен прерий; на нем можно было рассказать почти все, даже целые истории, и его жена очень хорошо им владела.

– Тогда почему же Вы не изучаете его? Разве это не помогло бы вам переводить? – спросил его фактор.

– Я пробовал! Я делал все возможное! Слово чести, поверьте, овладеть им невозможно! – ответил тот.

– Ха! Антуан, вы просто дурак! Да, и я тоже, я должен был знать об этом языке знаков и давно его выучить! – воскликнул фактор.

– Моя жена вас научит; я помогу, – сказал Антуан.

Мы начали уроки с ней тем же вечером, и еще до отъезда я вполне прилично овладел им. Знаки настолько ясно выражают мысли, что однажды их изучив, не скоро их забудешь. Я не знаю, как произошел этот язык, но думаю, что к обитателям прерий он пришел из Мексики, распространяясь от племени к племени, пока не достиг черноногих. Племенам лесов, двух побережий и Великих озер он неизвестен.

Наконец настало утро, когда пикуни должны были сворачивать лагерь. Накануне вечером Одинокий Ходок отвез мои вещи к своему вигваму, чтобы они были готовы для вьючной лошади, а теперь, ведя лошадь для меня, он с младшими вождями приехал в форт, чтобы на прощание позавтракать с фактором и выкурить с ним трубку.

Я торопливо съел свою порцию мяса и, пока все курили, я седлал и взнуздывал лошадь. Фактор дал мне свое собственное, английской работы, легкое охотничье седло, и я решил, что оно очень удобное для долгой езды. Позже, когда я получил от одного из воинов испанское седло, которое он захватил во время набега далеко на юг, я узнал, что такое настоящее удобство!

Лошадь была оседлана, и я попрощался со всеми. Путешественники, с которыми я прибыл в форт, должны были ско-

ро загрузить лодки мехами и возвратиться в Йоркскую факторию, а оттуда в Монреаль. Я вручил старшему письмо для моей матери, в котором рассказал о том, что благополучно прибыл в форт, о тысячах индейцев, которых видел, и экспедиции, в которую собираюсь отправляться. Если все было бы благополучно, это письмо она получила бы через год.

Трубка прошла по кругу, вожди вместе с фактором вышли, я попрощался с ним, мы сели на лошадей и отправились в путь.

Всего в племени было двадцать четыре вождя, по одному для каждого клана. или рода пикуни. Одинокий Ходок был одним из них – как я позже узнал, он был вождем клана инуксис, или клана Маленьких Накидок, а также верховным вождем племени. С ним было еще пять человек, все они носили волосы на голове завязанными в большой узел на темени, что было признаком жрецов солнца, или, как их называли, целителей. Никто из отряда не носил военной одежды или головных уборов, что меня очень удивило. Позднее я узнал, что их никогда не носят, одевая, только когда нужно идти в бой или во время танцев или иных важных религиозных церемоний. Нет! Раскрашенный во время путешествия или охоты, или собрания в лагере, а также индеец, одетый только в набедренную повязку и пару мокасинов, являются плодом воображения художников. Индейцы, которых я знал, носили простые кожаные рубашки, широкие леггинсы и расшитые иглами мокасины, и накрывались плащами из кожи, на ко-

тору были нанесены рисунки, изображавшие приключения владельца на охоте или на войне.

Но в целом выглядели они достаточно живописно. Каждый на левой руке нес щит, за спиной – колчан с луком и стрелами, поперек седла лежало ружье. Красивые вышивки на выучных тюках и висящих на поясах мешочках с табаком и ярко раскрашенных рисунках на щитах сильно отличались от однотонной повседневной одежды.

А как прекрасно были они сложены! Их отличали маленькие руки и ноги, как у настоящих господ. И манеры у них были, как у господ. В повседневном общении они всегда были вежливы и учтивы друг с другом. Их шутки никогда не были грубыми или обидными, а шутку они любили! И еще они гордились своим происхождением, своими военными подвигами, женщинами и детьми, большими табунами и обширной землей. И это было вполне естественное чувство, такое же как у наших лучших представителей. При этом они имели добрые сердца и всегда готовы были прийти на помощь тем, кому не повезло, вдовам и сиротам, старикам и больным. Такими были в прежние времена вожди черноногих.

Лагерь был собран, пока вожди в форте прощались, и теперь, выехав на равнину мы увидели длинный караван, далеко растянувшийся справа от нас. Он походил на огромную змею, ползущую на юг по горным хребтам и равнинам, змею примерно три мили в длину!

Караван двигался медленно, и мы более быстрым шагом проехали вдоль него, чтобы занять место в голове. Каждая семья имела свое место в караване, женщины и дети ехали на вьючных лошадях или волокушах, мужчины и юноши вели свободных лошадей.

Лошадиная упряжь была тоже ярко раскрашена и украшены вышивкой их игл дикобраза. Вьючные мешки, мешочки и сумки тоже были ярко раскрашены. Некоторые лошади белой масти были разрисованы красной охрой, священной краской, и везли только трубку знахаря и мешочки со снадобьями, и их всегда вели под уздцы. Другие лошади тащили шести для вигвамов, каждая по четыре шеста, попарно привязанных к седлу тонкими концами, при этом толстые концы этой волокуши врезались в почву и оставляли на ней глубокий след.

Пока я ехал с вождями по краю длинной колонны, каждый мужчина, женщина, и ребенок улыбались мне и приветствовали; одну из фраз, «Ок-и. нап-и-ан-и-кап-и», обозначающую «Привет, белый юноша!», я уже знал. И я всем отвечал: «Ок-и, ни-тук-а!», что обозначало «Привет, друг!», что было неправильно, когда обращалось к женщине или девушке, что сильно смущало их и вызывало взрывы хохота. Но так или иначе, все было замечательно; я чувствовал, что уже полюбил этих жителей равнин, и мне это было приятно. Конечно же, я любил их.

Мы миновали длинную колонну и поехали впереди, но не

самыми первыми. Впереди было несколько сотен мужчин, в течение всего дня выполнявших роль разведчиков. Они расходились далеко во все стороны, направо, налево и вперед по пути нашего движения. Они не охотились; время от времени мы видели стада бизонов и антилоп, но их никто не преследовал.

Было около полудня, когда, перевалив низкий горный хребет, Одинокий Ходок отвел нас в сторону от нашего маршрута и велел спешиться. Затем, привязав лошадей к кустам, мы сели в небольшой кружок на вершине холмика.

Знахарь отвязал вышитый отделанный бахромой мешочек, висевший у него на ремне и вынул из него трубку, табак, сухую траву и листья, чтобы смешать их с табаком, и начал неторопливо и тщательно готовиться к курительной церемонии. Сначала он тщательно очистил большую черную каменную чашу, продув ее, а потом длинный деревянный чубук, пока не убедился в том, что он тоже чистый. Затем он соединил их и стал наполнять чашу маленькими порциями смеси табака и трав, уплотняя каждую порцию маленькой палочкой с тупым концом. Сделав все как надо, он снял с плеча березовое поленце диаметром примерно четыре дюйма и шесть дюймов длиной, вынул из него деревянную пробку, и я увидел, что оно выдолблено и обмазано глиной. Перевернув этот странный сосуд горлом вниз, он раз или два ударил по нему и вытряхнул из него несколько угольков, которые быстро собрал и начал раздувать. Я понял, что таким образом ин-

дейцы-черноногие сохраняют огонь. Но сейчас в углях жара не было, они не дымились. Огонь разжечь не удалось.

С возгласом досады он положил угольки назад, заткнул сосуд и начал осматриваться, чтобы выяснить, нет ли у кого-то еще такого кострового сосуда, как я его назвал. Ни у кого не было. Все давали отрицательный ответ, даже видя его разочарование. Наконец я вспомнил о подарке деда, увеличительном стекле, которое носил в мешочке на боку, и сказал шаману:

– Я разожгу!

От возбуждения я забыл, что никто моего языка не понимает.

Но я обратил на себя его внимание, как и всех остальных. Они пристально наблюдали, как я доставал стекло из мешочка и снимал с него шелк, в который оно было обернуто. Сделав это, я знаками попросил знахаря, чтобы он взял в рот чубук трубки. Он сделал так, и я поднес стекло к смеси в чашке. Почти сразу содержимое стало тлеть и от него потянулась струйка дыма. Вдыхая, знахарь наполнил рот дымом, его глаза становились все больше и больше, наконец он сделал большой выдох и с криком удивления вскочил на ноги и протянул трубку к солнцу. Остальные вожди также вскочили и с восклицаниями, которых я не понимал, дернулись ко мне. Я понял, что мой час настал!

Антуан говорил мне, что индейцы племени черноногих

– как он их называл, черноногие язычники – поклоняются солнцу. У меня мелькнула мысль, что сейчас меня убьют за то, что воспользовался их богом, чтобы зажечь огонь. И, видя толпящихся вокруг себя возбужденных кричащих вождей, я поднял руки и крикнул:

– Я не хотел ничего плохого! Это просто стекло! Просто стекло!

Как они могли меня понять? Или мой жалкий крик спасет меня?

Но внезапно я увидел, что, вместо того, чтобы бить, Одинокий Ходок и те, кто был ближе ко мне, гладили меня ладонями по плечам, груди и спине, а затем гладили сами себя. Те, кто был дальше, тянули ко мне руки, чтобы коснуться меня, где можно, а потом тоже гладили себя, крича что-то в сторону проходящего каравана.

В результате все, кто услышал призывы, мужчины и женщины, спрыгивали с лошадей и окружали меня. Все тянули ко мне руки, женщины отчаянно пробирались через кольцо мужчин и тянули ко мне своих младенцев, пытаясь коснуться любой части моего тела. Все еще сильно напуганный, я отдал стекло Одинокому Ходоку и знаками показал, что отдаю его ему. С криком он поднял его и начал делать то, что в моем понимании было молитвой к солнцу. Толпа сразу стихла. Все внимательно слушали, иногда крича фразы, которые, как я понял, обозначали: «Да! Да! Будь к нам милостиво, о Солнце!» Затем он закончил молитву и, осмотрев всех со-

бравшихся, произнес, обращаясь к ним, несколько слов. После этого все сели на лошадей, заняли свои места в караване и продолжили свой путь.

Вожди, однако, снова сели в круг, Одинокий Ходок знаками попросил меня сесть около него, и трубку стали передавать из рук в руки. Каждый делал несколько затяжек и выпускал дым сначала к солнцу, и затем к земле. Наконец трубка дошла до меня. Я передал ее вождю справа от меня, но он вернул ее мне и дал понять, что я тоже должен курить. Я сделал это, выпустив дым, как и другие, к небу и к земле, а потом передал дальше. Я никогда не курил. Вкус дыма горьким и противным; моя голова скоро закружилась, и я долгое время чувствовал себя совершенно больным. Больше я не курил, пока мне не исполнилось двадцать пять лет.

Наконец, когда трубка была выкурена и убрана, мы сели на лошадей и отправились в путь. Я все еще чувствовал себя плохо, но уже не боялся. Слух о том, что я сделал – зажег огонь от солнца – прошел уже через весь караван, потому что, когда я с вождями ехал вдоль колонны, все приветствовали меня, называя новым именем, а манера поведения людей изменилась; видно было, что я теперь внушаю им уважение, если не страх. Теперь меня называли Нат-о-вап-ан-икап-и, что, как я понял, имеет какое-то отношение к солнцу (Нат-ос). Я оказался прав: скоро я узнал, что это слово означает солнечный, или священный, юноша. Я очень гордился этим именем, и был очень доволен тем, что моему деду

пришла в голову такая счастливая мысль подарить мне стекло. Правда, я вез его через всю прерию только для того, чтобы тут же с ним расстаться, но этот случай сразу сделал меня уважаемым человеком в племени.

Мы двигались так во главе колонны примерно до четырех часов пополудни, затем снова спешили и сели в круг на краю длинного склона, спускающегося к поросшей лесом долине вокруг маленькой реки. Снова шаман достал трубку и набил ее, и я показал Одинокому Ходоку, как ее зажечь с помощью стекла. Все пристально за этим наблюдали, и, когда все увенчалось успехом, все испустили крики радости и удивления. В этот раз я сразу передал трубку, когда она добралась до меня, и, пока вожди курили и болтали, смотрел, как длинная колонна спустилась в долину и рассеялась по обширной травянистой долине на другой стороне речки. Там лошади были разгружены и некоторое время спустя все вигвамы были поставлены, женщины заносили в них имущество или шли за водой и хворостом. Все это было женской работой; мужчины сидели без дела, пока все не было закончено.

Как только трубка была выкурена, мы сели на лошадей и медленно поехали вниз по склону к ручью, а затем разошлись по лагерю. Одинокий Ходок отвел меня к юго-западной части большого круга вигвамов, где было выделено место для его клана Маленьких Накидок, и к одному из двух больших вигвамов, которые принадлежали ему.

Мы спешили, и я собирался расседлать лошадь, когда женщина забрала ее и знаками показала мне, что я должен следовать за вождем в его вигвам. Я сделал это, и, шагнув через дверной проем, услышал рычание и фыркание, от которых мое сердце забилося. Славное дело – вокруг меня крутились молодые медведи гризли, с оскаленными мордами и вздыбленной шерстью!

Я не мог двинуться вперед или назад, и так простоял время, которое показалось мне часом, а затем Одинокый Ходок прикрикнул на медведей, и они спокойно легли, а я прошел мимо них к месту, указанному мне, удобной лежанке слева от вождя.

Я думаю, что вождь так долго продержал меня перед медведями, чтобы оценить мою выдержку. Я был рад, что не стал кричать или убегать. Я скоро подружился с этими медведями и часто играл с ними. Говорят, что гризли нельзя приручить. Те два были ручными. Они были пойманы, когда были маленькими детёнышами, настолько маленькими, что не могли сопротивляться охотникам, и в течение нескольких месяцев их носили к кобылам, чтобы они пили молоко, без которого не смогли бы выжить. Я могу сказать, что они исчезли однажды весенней ночью их третьего года, и никогда мы их больше не видели. Они наконец ответили на зов своей природы.

Я с большим интересом осматривал внутренность вигвама, который должен был стать моим домом неизвестно на

сколько месяцев.

Он был сшит из двадцати восьми бизоньих шкур, выдубленных до мягкости и должным образом скроенных, и сшитых нитками из жил. Он был по меньшей мере двадцать четыре фута в диаметре, а его шесты были не меньше тридцати шести футов длиной и так тяжелы, что лошадь могла утащить не более двух. Всего шестов было тридцать, а обшивка была сделана из двух частей. Внутри шла еще одна полоса из кожи, типа подкладки, она поднималась от земли до высоты шесть футов и шла от шеста к шесту. Это создавало воздушную прослойку толщиной в шест между наружной обшивкой и подкладкой. Обшивка не доходила до земли примерно на четыре дюйма, и воздушный поток шел снизу вигвама и поднимался в дымовое отверстие наверху, что создавало хорошую тягу для костра и уносило дым.

Под подкладку воздух не проходил, поэтому она удерживала тепло от очага, и благодаря этому простому устройству в вигваме даже в самый сильный мороз было тепло. Подкладка была ярко раскрашена. Рисунок состоял из нескольких групп по три длинных угловатых фигуры, в которых можно было узнать индейцев-черноногих.

По окружности, кроме той стороны, где был вход, стояли в ряд, ноги к изголовью, лежанки, на которых спали обитатели вигвама. Их было десять, и они были отделены друг от друга перегородками, сплетенными из ивовых прутьев. В треугольных пространствах между топчанами и по обеим сто-

ронам от входа были навалены тюки, свертки и сумки, в которых хранились вещи обитателей вигвама. Помимо Одинокого Ходока и меня, тут было восемь женщин и девять детей, в возрасте от грудных до юношей и девушек двенадцати, четырнадцати и восемнадцати лет, последним был мальчик по имени И-сас-то, или Красная Ворона, с которым я должен был делить топчан.

Не удивляйтесь и не возмущайтесь, когда я скажу вам, что Одинокий Ходок имел девятнадцать жен. Восемь из них жили в этом вигваме. Остальные и их дети, а также старый отец вождя и его мать жили в соседнем большом вигваме из двадцати восьми кож. Сначала это многоженство было мне противно, но я скоро понял, насколько это было необходимым. Мужчины племени черноногих часто гибли в сражениях с многочисленными врагами, и только благодаря такому обычаю женщины могли обрести заботу.

Первая, или главная жена Одинокого Ходока, по имени Сис-цы-ах-ки, или Маленькая Птица, была красивой женщиной в возрасте примерно тридцати пяти лет. Она была одним из самых счастливых людей, которых я знал. На ее лице всегда была улыбка, делая свою работу, она постоянно пела, и ее сердце было столь же добрым, как ее улыбка; она всегда делала что-то хорошее для других. Будучи старшей над другими женами, она распределяла между ними работу, которая делалась для всей семьи. При этом каждая жена имела свою собственность, включая лошадей, и после охоты полу-

чала свою долю мяса и шкур.

Тем вечером в нашем вигваме было много народу – все приходили, чтобы посмотреть чудесный предмет, который мог ловить солнечный огонь. Было уже поздно, когда мы наконец смогли отдохнуть. Костер погас. Как все остальные, я разделся и забрался под одеяло, а потом уснул, не испытывая никакого страха – я, одинокий белый мальчик в лагере, насчитывающем примерно девять тысяч диких индейцев!

Одинокий Ходок разбудил нас вскоре после восхода и заставил меня пойти вместе со всеми мальчиками искупаться в реке. Зимой и летом индейцы племени черноногих никогда не пренебрегали этой ежедневной ванной, хотя иногда им приходилось протираться снегом, потому что нигде не было открытой воды. Зимой женщины и девочки посещали хижину для потения.

После купания мы позавтракали сушеным мясом, поджаренным на костре, и маленькими кусочками подвяленного бизоньего сала, которое индейцы используют так же, как белые масло. Пока мы ели, Одинокий Ходок дал мне понять, что два его вигвама нуждались в свежем мясе, и что вместе с его сыном я мог бы обогнать караван и убить нескольких животных. Мне это предложение понравилось, потому что это было то, чего я так хотел. Вы можете вообразить, как мне понравилось, когда пригнали большой табун вождя и он, сказав: «Ты дал мне огненный предмет, и я тоже что-то тебе дам», выбрал десять хороших лошадей и сказал, что они

принадлежат мне. Каким богатым я себя почувствовал!

Еще до того, как вигвамы были собраны, мы с Красной Вороной отправились на юг. Мы находились на верхней части склона, спускавшегося в долину, я видел перед собой огромную равнину и заснеженные пики гор, ограничивавших ее с запада, и я сказал себе, что это самый счастливый день в моей жизни, потому что я, Хью Монро, обычный парень, пройду по обширной земле, которую не видел ни один белый!

И как же я хотел увидеть все это – равнины, реки, поросшие соснами холмы! Мне выпала честь узнать все названия, данные им индейцами-черноногими и нанести их на карту, которую наша компания должна была составить для использования своими служащими. Кроме этого, я ожидал приключений, которые, я был уверен, ждали меня на этой неизвестной земле. Если бы я заранее знал, что это будут за приключения, я бы, наверное, предпочел бы остаться в безопасном форте.

ГЛАВА III

ОХОТА С КРАСНОЙ ВОРОНОЙ

Когда мы выехали на равнину из долины, то увидели

несколько небольших стад бизонов, которые паслись справа и слева от линии нашего движения. Красная Ворона не обращал на них внимания, и когда я, наконец, знаками дал ему понять, что хотел бы приблизиться к ближайшему к нам стаду, до которого было несколько миль, от ответил, что добыча должны быть как можно ближе к пути движения каравана, чтобы женщины могли погрузить мясо на лошадей на вьючных лошадей, когда будут идти мимо.

Охотясь в лесу дома, я узнал ценность поговорки о синице в руке, и подумал, что следует все же отправиться к ближайшему стаду, потому что другого ближе мы могли бы не увидеть до вечера. Но скоро я понял, что волноваться не стоило, потому что количество дичи на равнине было в десять тысяч раз больше, чем в лесах на Востоке.

Мы проехали еще примерно три мили, и затем, поднявшись на один из многих равнинных увалов, увидели огромное стадо бизонов, пасущееся на следующем увале, прямо у нас на пути. Они медленно перемещались на юг, и мы долго ждали, пока последние отставшие от стада бизоны перейдут увал и не смогут нас увидеть, а затем поскакали легкой рысью. Когда мы приблизились к вершине увала, Красная Ворона вытащил из колчана лук, а потом четыре стрелы, одну из которых наложил на тетиву лука, а три другие зажал в зубах. Я проверил ружье и убедился, что капсюль на месте и на полке есть порох. Сердце мое забилося – ведь сегодня

я должен буду застрелить своего первого бизона! И я сказал себе: «Не волнуйся! Ты не должен промахнуться!»

Я думал, что перед вершиной увала мы спешимся, пройдем несколько шагов, а потом осторожно поднимемся и выстрелим в ближайшего бизона. Но Красная Ворона не замедлял движения лошади, и я был обязан следовать за ним. Достигнув вершины увала, мы увидели, что большое стадо находится совсем рядом с нами на склоне, некоторые лежали, другие спали стоя. Но они увидели нас, как только мы увидели их, и побежали, а мы погнались за ними со скоростью, которую могли развить наши лошади.

Я никогда не думал, что лошадь может быть таким азартным преследователем. Моя закусила удила и мчала меня куда сама хотела. Скоро мы догнали испуганное стадо. Я видел Красную Ворону, приблизительно в тридцати или сорока ярдах впереди передо мной; он приблизился к бизону справа и выпустил стрелу ему под ребра, а потом поскакал дальше, больше не обращая на него внимания. И тут я увидел, что лошадь вынесла меня к огромному быку с косматой головой и острыми рогами, навел на него ружье и выстрелил, и увидел, как кровь почти сразу хлынула у него из ноздрей. Он сделал еще несколько шагов и упал, а я попытался остановить лошадь рядом с ним, крича: «Я убил бизона! Я убил бизона!»

Но я не мог ни придержать лошадь, ни даже повернуть ее,

как ни пытался, и через несколько прыжков она вынесла меня к другому бизону. Тогда я пожалел, что мои пистолеты не у меня на поясе, а остались в походном мешке. Я отсыпал порцию пороха из рога на ладонь, но все просыпалось прежде, чем я смог зарядить ружье. Я попробовал еще раз – с тем же результатом. Я никогда не пробовал зарядить ружье, сидя на лошади, которая мчится на полной скорости. Я оставил эти попытки и стал смотреть на Красную Ворону, который все еще был впереди, и огромных животных, скачущих впереди и с обеих сторон от меня. Неуклюжие с виду, с широкой грудью, высоким горбом и мощными ногами, они могли обогнать любую лошадь, кроме разве что первых нескольких сотен ярдов. Лошадь быстро уставала и не могла долго выдерживать скорость, с которой испуганное стадо могло бежать несколько часов. Через полмили такой скачки Красная Ворона прекратил преследование, и я сумел повернуть свою лошадь к нему и спешиться, когда мы встретились. Перед нами лежали три мертвых бизона, и рядом стоял еще один, тяжело раненый, с низко опущенной головой. Внезапно он повалился и, когда мы подъехали, он был уже мертв. Я поехал к тому, которого застрелил, стгорая от нетерпения посмотреть на него, и Красная Ворона следовал за мной. Когда мы приблизились к нему, он рассмеялся и дал мне понять, что это был старый бык, и это была негодная добыча – его мясо слишком жесткое, оно не годится для еды, и указал трех убитых им бизонов – двух молодых коров и годовалого

бычка, у которых было хорошее, жирное мясо.

Я чувствовал себя виноватым, что напрасно убил огромное животное. Я спустился с лошади и рассмотрел его. Его голова была массивной, с острыми рогами и длинной бородой. Шерсть ниже колен почти достигала земли, образуя вроде штанов вокруг ног, на плечах был большой горб. Выглядел он очень непривычно. Чтобы хоть примерно определить его рост, я лег на него, так чтобы мои ноги были рядом с его копытами. Протянув руку, я не смог дотянуться до верха горба. Он был от шести до семи футов высотой!

– У него только одна хорошая часть, – сказал Красная Ворона; он открыл ему рот, потянув за нижнюю челюсть, вырезал язык у самого основания и вручил мне. Этим вечером он, зажаренный на углях, стал моим ужином, и я думаю, что это было лучшее мясо, которое я когда-либо пробовал.

Я задался вопросом, как, с одним лишь только ножом, охотники смогут разделать такое большое животное, как бизон. Красная Ворона показал мне, как это делается. Мы подошли к первому убитому им животному, и он сначала вытащил стрелу и протер ее пучком травы и снова сунул в колчан, а потом повернул голову коровы и вонзил рога в землю. Затем он ухватился за переднюю ногу и, используя ее как рычаг, за несколько толчков развернул тушу на спину. Теперь животное лежало на спине, удерживаемое рогами. Это было действительно просто. Затем он разрезал живот от шеи до хвоста и, опустив вниз все ноги, также использовал их как

опоры. Я помог ему освежевать тушу, и скоро перед нами лежала ободранная туша на расстеленной шкуре. Затем он подогнул ноги, использованные вместо опор, и повернул тушу. После этого он сделал разрез по основанию горба, отрезал в колене одну ногу и, используя ее как дубину, сбил горб со спины. Затем он разрезал тушу вдоль ребер и дело было почти сделано. Теперь мясо надо было разложить на два тюка примерно равного веса, чтобы лошади было удобно их нести.

Мы закончили со всеми тремя тушами прежде, чем подошел караван. Тогда люди Одинокого Ходока подошли к нам, его главная жена проследила, как укладывается мясо, и скоро мы продолжили наш путь.

Это была моя первая охота на бизона. Но я тогда еще не знал, что бизоны станут для меня всем – едой, домом, одеждой, моей жизнью – и так будет продолжаться почти семьдесят лет, пока к началу восьмидесятых их не истребят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.